

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть о Ниме и Нум

Говорят, а Аллах лучше знает, – сказал Бахрам, – что был в городе Куфе [255] один человек, из знатных его обитателей, которого звали ар–Раби ибн Хатим, и обладал он большими деньгами и жил привольно. И достался ему ребенок, которого он назвал Нимат–Аллах [256].

И вот в некий день был он на площадке работорговцев и вдруг увидел невольницу, выставленную для продажи, и на руках у нее была маленькая рабыня редкой красоты и прелести. И ар–Раби сделал знак работорговцу и спросил его: "За сколько идут эта невольница и ее дочь?" – и работорговец ответил: "За пятьдесят динаров!" – "Напиши условие, возьми деньги и отдай их ее владельцу", – сказал ар–Раби. И потом он отдал работорговцу цену девушки и дал ему плату за посредничество и, взяв невольницу и ее дочь, отправился с ними домой.

И когда его жена, дочь его дяди, увидела невольницу, она спросила: "О сын дяди, что это за невольница?" – и ар–Раби ответил: "Я купил ее, желая иметь эту маленькую, что у нее на руках. Знай, когда она вырастет, не будет в землях арабов и неарабов ей подобной, и никого лучше ее".

И дочь его дяди сказала: "Прекрасно то, что ты решил!" – а затем она спросила невольницу: "Как твое имя?" – "О госпожа, мое имя Тауфик", отвечала невольница. "А как имя твоей дочери?" – спросила жена ар–Раби, и невольница отвечала: "Сад". И жена ар–Раби воскликнула: "Ты сказала правду! Ты счастлива, и счастлив тот, кто тебя купил!"

"О сын моего дяди, как ты ее назовешь?" – спросила она потом. И ар–Раби ответил: "Как ты выберешь", – и тогда она сказала: "Назовем ее Нум" [257], – и ар–Раби воскликнул: "Прекрасно то, что ты придумала!"

И маленькая Нум воспитывалась с Нимой, сыном арРаби, в одной колыбели, пока они не достигли возраста десяти лет. И каждый из них был красивее другого, и мальчик стал называть ее: сестрица, а она называла его: братец.

А потом ар–Раби обратился к своему сыну Ниме, когда тот достиг этого возраста, и сказал ему: "О дитя мое, Нум тебе не сестра, наоборот, она твоя невольница, и я купил ее на твое имя, когда ты был в колыбели. Не зови же ее с этого дня своей сестрой". И Нима сказал своему отцу:

"Если так, я женюсь на ней", – и затем он вышел к своей матери и осведомил ее об этом, и та сказала: "О дитя мое, она твоя невольница". И Нима ибн ар–Раби вошел к этой невольнице и полюбил ее, и над ними прошло несколько лет, и пребывали они в таком положении. И не было в Куфе девушки красивее Нум и приятнее и изящнее ее.

Она выросла и читала Коран, изучила науки и узнала способы игры на инструментах, и сделалась искусной в пении и владении увеселяющими инструментами, так что превзошла всех людей своего века.

И в один день из дней она сидела со своим мужем Нимой, сыном ар–Раби, в покоях питья, и, взяв лютню, натянула ее струны и развеселилась и, заведя напев, произнесла такое двустишие:

"Когда ты – владыка мой, чьей милостью я живу,

И меч мой, срубающий превратностей голову,

Не нужно ни Звида мне, ни Амра [258] в защитники

Тебя лишь, когда тесны вдруг станут пути мои",

И Нима пришел в великий восторг и сказал ей: "Ради моей жизни, о Нум, спой нам под бубен и музыкальные инструменты!" И она затянула напев и пропела такие стихи:

"Поклянусь я тем, у кого в руках узда моя

Не послушаюсь я в любви к нему хулящих.

И хулителей рассержу я всех, повинюсь вам,

И расстанусь я с наслаждениями покоя.

И вырою для страсти к вам посреди души

Могилу я, и знать не будет сердце".

И юноша воскликнул: "От Аллаха твой дар, о Нум!"

И пока они пребывали в приятнейшей жизни, вдруг сказал аль–Хаджжадж [259] во дворце наместничества: "Я обязательно должен ухитриться захватить эту невольницу, которую зовут Нум, и отослать ее к повелителю правоверных, Абд–аль–Мелику ибн Мервану, так как в его дворце не найдется никого, кто бы был ей подобен и пел лучше ее".

И он позвал старуху надсмотрщицу и сказал ей: "Пойди в дом ар–Раби и повидайся с невольницей Нум и найди способ захватить ее, так как на лице земли не найдется ей подобной". И старуха вняла тому, что сказал альХаджжадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею четки, где число зерен было тысячи, и взяла в руки посох и йеменский бурдюк..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать восьмая ночь

Когда же настала двести тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вняла тому, что сказал аль–Хаджжадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею четки, где число зерен было тысячи, и, взяв в руки посох и йеменский бурдюк, пошла восклицая: "Слава Аллаху и хвала Аллаху! Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!"

И она все время славилАллаха и молилась (а сердце ее было полно козней и хитростей), пока не достигла дома Нимы ибн ар–Раби ко времени полуденной молитвы.

И она постучала в дверь, и привратник открыл ей и спросил ее: "Чего ты хочешь?" – и старуха ответила: "Я нищенка богомолица, и меня настигла полуденная молитва, и я хочу помолиться в этом благословенном месте". "О старуха, – ответил привратник, – это дом Нимы ибн ар–Раби, а не собор и не мечеть". И старуха молвила: "Я знаю, что нет собора или мечети, подобного дому Пимы ибн ар–Раби; я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

надсмотрщица из дворца повелителя правоверных и ушла, чтобы молиться и странствовать". – "Я не дам тебе войти", – сказал привратник. Разговоры между ними умножились, и старуха вцепилась в привратника и воскликнула: "Помешают ли подобной мне войти в дом Нимы ибн ар–Раби, когда я захожу в дома эмиров и вельмож?"

И вдруг вышел Нима и, услышав их разговор, засмеялся и велел старухе войти за ним, и он вошел, а старуха вошла сзади, и Нима привел ее к Нум. И старуха приветствовала ее наилучшими приветствиями, а увидя Нум, она оторопела и изумилась ее чрезмерной красоте и сказала ей: "О госпожа, призываю на тебя защиту Аллаха, который сравнивал тебя с твоим господином в отношении красоты и прелести".

И затем старуха встала в михрабе и принялась кланяться, падать ниц и молиться, и прошел день, и пришла ночь с ее мраком, и тогда девушка сказала: "О матушка, дай отдых твоим ногам на часок", – а старуха ответила:

"О госпожа, кто ищет жизни будущей, тот утомляет себя в здешней жизни, а кто не утомляет себя в здешней жизни, тому не достичь обиталища чистых в жизни будущей".

Потом Нум подала старухе еду и сказала ей: "Поешь моего кушанья и помолись за меня о прощении и милости", а старуха сказала ей: "О госпожа, я пошусь, а что до тебя, то ты женщина, которой подобает есть, пить и радоваться, и Аллах простит тебя. Ведь сказал Аллах великий: "Кроме тех, кто раскается и совершит дело праведное".

И девушка просидела со старухой, разговаривая, некоторое время, а потом Нум сказала Ниме: "О господин, упроси эту старуху остаться на время с нами. У нее на лице следы благочестия". – "Очисти ей место, куда бы она могла уходить для молитвы, и не давай никому входить к ней, – отвечал Нима. – Может быть, Аллах, славный и великий, поможет нам через ее благословение и не разлучит нас".

И после этого старуха провела ночь, молясь и читая Коран до утра, а когда Аллах засветил утро, она пришла к Ниме и Нум и пожелала им доброго утра и сказала: "Поручаю вас Аллаху". – "Куда ты идешь, о матушка? спросила ее Нум. – Мой господин приказал мне освободить для тебя помещение, где бы ты всегда могла поклоняться богу и молиться". – "Да сохранит его Аллах, и да продлит он свое благоволение к вам! – отвечала старуха. – Я хочу, чтобы вы наказали привратнику не мешать мне входить к вам; если захочет Аллах великий, я пойду странствовать по чистым местам и стану за вас молиться, после поклонения богу и молитвы, каждый день и каждый вечер".

И потом старуха вышла из дома, а девушка Нум плакала о разлуке с нею, и не знала, по какой причине она к ней пришла. И старуха отправилась к аль–Хаджжаджу и пришла к нему, и тот спросил: "Что идет за тобою?" – а старуха сказала: "Я посмотрела на эту невольницу и увидела, что женщины не рожали в ее время никого лучше ее". И аль–Хаджжадж воскликнул: "Если ты сделаешь то, что я тебе приказал, тебе достанется от меня обильное благо". – "Я хочу от тебя полный месяц сроку", – сказала старуха, и аль–Хаджжадж отвечал: "Я даю тебе сроку месяц". Тогда старуха стала заходить в дом Нимы и его невольницы Нум..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать девятая ночь

Когда же настала двести тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, старуха стала заходить в дом Нимы и Нум, и они оказывали ей все большее уважение. И старуха непрестанно, и вечером и утром, была у них, и все в доме говорили ей: "Добро пожаловать!"

И наконец, в один из дней, старуха осталась с девушкой наедине и сказала ей: "О госпожа моя, клянусь Аллахом, когда я прибуду в пречистые места, я буду за тебя молиться, и мне хотелось бы, чтобы ты была со мной и повидала старцев, достигших единения с Аллахом, и они помолились бы за тебя о том, чего ты хочешь".

И невольница Нум сказала ей: "Ради Аллаха, о матушка, возьми меня с собой", – тогда старуха ответила: "Попросись у твоей свекрови, матери Нимы". И девушка сказала своей свекрови: "О госпожа, попроси у моего господина, чтобы он пустил нас с тобою выйти в какой–нибудь день, вместе с моей матушкой–старушкой, чтобы помолиться и призвать Аллаха вместе с факирами в почитаемых местах". А когда пришел Нима и сел, старуха подошла к нему и стала целовать ему руки и просить его, но он не позволял ей этого и не дал своего согласия.

И старуха благословила его и вышла из дома.

Когда же настал следующий день, старуха пришла (а Нимы не было в доме) и, обратившись к невольнице Нум, сказала ей: "Мы молились за тебя вчера; поднимайся сейчас же – ты прогуляешься и вернешься прежде, чем придет твой господин". И девушка сказала своей свекрови: "Прошу тебя ради Аллаха, позволь мне выйти с этой праведной женщиной, я посмотрю на друзей Аллаха в почитаемых местах и скоро вернусь, прежде чем придет мой господин". – "Я боюсь, что узнает твой господин", – сказала мать Нимы, но старуха воскликнула:

"Клянусь Аллахом, я не дам ей присесть на землю! Она будет смотреть, стоя на ногах, и не замешкается".

И старуха увела девушку хитростью и привела ее во дворец аль–Хаджжаджа и осведомила его о приходе девушки, поместив ее сначала в комнату. И аль–Хаджжадж пришел и посмотрел на нее и увидел, что она прекраснее всех людей своего времени и что он не видывал ей подобной. И Нум, увидав аль–Хаджжаджа, закрыла от него лицо, а аль–Хаджжадж, не оставив ее, сейчас же позвал царедворца и, отрядив с ним пятьдесят всадников, велел ему взять девушку, посадить ее на быстрого верблюда, отправиться с ней в Дамаск и вручить ее повелителю правоверных Абд–аль–Мелику ибн Мервану. И он написал халифу письмо и сказал царедворцу: "Отдай ему это письмо, возьми ответ и поторопись вернуться ко мне".

И царедворец поспешно взял девушку, посадил ее на верблюда и выехал, и отправился с нею, и девушка плакала от разлуки со своим господином. И они прибыли в Дамаск, и царедворец попросил разрешения войти к повелителю правоверных, и когда тот разрешил, царедворец вошел к нему и рассказал историю с невольницей, и халиф отвел ей комнату. А потом халиф вошел в свой харим, увидел свою жену и сказал ей: "Аль–Хаджжадж купил мне невольницу из дочерей вельмож Куфы за десять тысяч динаров и прислал мне это письмо, а вместе с письмом прибыла невольница". И жена халифа сказала ему..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь рассказал своей жене историю невольницы, его жена сказала ему: "Да увеличит Аллах к тебе свою милость!"

А потом сестра халифа Абд–аль–Мелика вошла к невольнице и, увидав ее, воскликнула: "Клянусь Аллахом, не будет обманут тот, в чьем жилище ты находишься, хотя бы цена за тебя была сто тысяч динаров!" И невольница Нум спросила ее: "О светлоликая, какого царя этот дворец и какой это город?" – и сестра халифа ответила:

"Это город Дамаск, а этот дворец – дворец моего брата, повелителя правоверных, Абд–аль–Мелика ибн Мервана".

"Ты как будто не знаешь этого?" – спросила она потом, и девушка ответила: "Клянусь Аллахом, госпожа, это было мне неизвестно". – "А тот, кто продал тебя и получил за тебя деньги, не осведомил тебя о том, что тебя купил халиф?" – воскликнула сестра халифа, и девушка, услышав эти слова, стала лить слезы и заплакала, и сказала про себя: "Удалась против меня хитрость!" И потом она подумала: "Если я стану говорить, никто мне не поверит. Лучше я буду молчать и потерплю, зная, что помощь Аллаха близка". И она поникла головой от стыда, и щеки у нее покраснели от следов путешествия и солнца.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И сестра халифа оставила ее на этот день, а на другой день она пришла с материей и ожерельями из драгоценных камней и одеда девушку. И тогда повелитель правоверных вошел и сел с нею рядом, и сестра его сказала ему: "Посмотри на эту девушку, которой Аллах даровал совершенную красоту и прелесть". – "Сними с лица покрывало", – приказал халиф Нум, но она не сняла покрывала с лица, и халиф не увидел ее лица, а увидел только ее руки, и любовь к ней запала в его сердце. "Я войду к ней только через три дня, когда она с тобой подружится", – сказал он своей сестре и, поднявшись, вышел от девушки, и девушка принялась раздумывать о своем деле и вздыхать от разлуки со своим господином Нимой.

А когда пришла ночь, девушка заболела горячкой и не стала ни есть, ни пить, и ее лицо и прелести изменились. И халифа осведомили об этом, и ему стало тяжело из-за девушки, и он направил к ней врачей и людей проникательных, но никто не знал, как ее лечить.

Вот что было с нею. Что же касается ее господина, Нима, то он пришел домой и сел на постель и позвал: "Нум!" – но она ему не ответила. И он поспешно поднялся и позвал, но никто не вошел к нему, и все невольницы в доме попрятались, боясь ее господина. И Нима вышел к своей матери и увидел, что она сидит, положив щеку на руку, и спросил ее: "О матушка, где Нум?" – и мать его сказала: "О дитя мое, она с той, кому ее можно скорее доверить, чем мне: с той, старушкой праведницей. Она вышла с нею, чтобы посетить факиров, и вернется". – "И когда это был у нее такой обычай? сказал Нима. – В какое время она ушла?" – "Она ушла утром", – отвечала мать Нимы. И Нима воскликнул: "Как ты ей это позволила?" – "Это старуха мне посоветовала", – сказала ему мать.

И Нима вскричал: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" И потом он вышел из дома, – а мир исчез для него, – и пришел к начальнику стражи и сказал ему: "Ты хитришь со мною и похищаешь мою невольницу из моего дома! Я непременно пожалуюсь на тебя повелителю правоверных". – "А кто ее увел?" – спросил начальник стражи. И Нима ответил: "Старуха такого-то и такого-то вида, и на ней шерстяная одежда, а в руках у нее четки, где число зерен тысячи". – "Укажи мне эту старуху, и я освобожу твою невольницу", – сказал начальник стражи. И Нима воскликнул: "Но кто же знает эту старуху?" – "Никто не знает скрытого, кроме Аллаха, велик он и славен", – отвечал начальник стражи, и он понял, что это хитрая старуха от альХадждаджа. "Я требую мою невольницу только от тебя, и между мною и тобою будет аль-Хадждадж", – сказал ему Нима, а начальник стражи ответил: "Иди к кому хочешь!"

И Нима пошел во дворец аль-Хадждаджа (а отец его был из числа вельмож Куфы), и когда он достиг его дома, привратник аль-Хадждаджа вошел к аль-Хадждаджу и осведомил его об этом деле. И когда Нима встал пред ним, аль-Хадждадж спросил его: "Что с тобой?" "Со мною было такое-то и такое-то дело", – отвечал Нима. А аль-Хадждадж сказал: "Подайте сюда начальника охраны, и мы прикажем ему поискать старуху".

Когда же начальник охраны явился пред лицо альХадждаджа (а тот знал, что начальник охраны знает старуху), аль-Хадждадж сказал ему: "Я хочу, чтобы ты поискал невольницу Нимы ибн ар-Раби". И начальник стражи ответил: "Не знает сокровитного никто, кроме великого Аллаха!" – "Ты непременно должен отрядить конных и поискать эту невольницу на дорогах и поглядеть в городах", – сказал аль-Хадждадж..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок первая ночь

Когда же настала двести сорок первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что альХадждадж сказал начальнику охраны: "Ты непременно должен отрядить конных и посмотреть в городах и высмотреть девушку на дорогах и поискать эту девушку", – а потом он обратился к Ниме и сказал: "Если твоя невольница не воротится, я дам тебе десять невольниц из моего дома и десять невольниц из дома начальника охраны. Иди искать невольницу", – сказал он начальнику охраны.

И начальник охраны вышел, а Нима был озабочен и отчаялся в жизни. А он достиг возраста четырнадцати лет, и на щеках его не было растительности. И стал он плакать и рыдать и держался вдаль от своего дома, и они с матерью не переставали плакать до самого утра. И отец Нимы обратился к нему и сказал: "О дитя мое, поистине аль-Хадждадж устроил против девушки хитрость и захватил ее, но от одного часа до другого Аллах доставляет помощь". И заботы Нимы увеличились, и не знал он, что говорил; и не понимал, кто к нему входит; и оставался он больным три месяца, и его состояние изменилось, и отец его отчаялся в нем, а врачи пришли к Ниме и сказали: "Нет для него другого лекарства, кроме невольницы".

И вот в один из дней его отец сидел, и услышал он про одного умелого врача, персиянина, которому люди приписывали большое искусство лечить и читать по звездам и гадать на песке. И ар-Раби призвал этого врача, а когда он явился, посадил его с собою рядом и оказал ему уважение и сказал: "Посмотри, в каком состоянии мой сын". – "Дай руку", – сказал врач Ниме. И тот подал руку, и врач пощупал ему пульс и посмотрел ему в лицо, и засмеялся и, обратившись к его отцу, сказал: "У твоего сына нет ничего, кроме недуга в сердце".

"Ты прав, о врач, – ответил ар-Раби. – Посоветуйся о деле моего сына с твоим искусством, и расскажи мне все об его состоянии, ничего от меня не скрывая". И персиянин ответил: "Он привязался к одной девушке, а эта девушка в Басре или в Дамаске, и лекарство для твоего сына лишь в том, чтобы с нею встретиться". – "Если ты сведешь их, у меня будет чем тебя обрадовать, и ты проживешь всю жизнь с деньгами и в благоденствии", сказал ар-Раби. И персиянин молвил: "Поистине, это дело близкое и нетрудное".

А потом он обернулся к Ниме и сказал: "С тобою не будет беды, укрепи же свое сердце, успокой душу и прохладя глаза! Выложи из твоих денег четыре тысячи динаров", – сказал он ар-Раби. И тот вынул деньги и вручил их персиянину, а персиянин сказал ему: "Я хочу, чтобы твой сын поехал со мною в Дамаск, и если захочет Аллах великий, я не вернусь иначе, как с девушкой". А затем персиянин обернулся к юноше и спросил его: "Как тебя зовут?" – и юноша ответил: "Нима", – и тогда персиянин сказал: "О Нима, сядь и пребывай под охраной Аллаха великого: Аллах соединит тебя с твоей возлюбленной".

И Нима сел прямо, а персиянин сказал ему: "Укрепи свое сердце. Мы выедем в этот же день. Ешь, пей и развлекайся, чтобы стать сильным для путешествия". А после Этого персиянин стал справлять свои дела и забрал все, что ему было нужно из редкостей, и он взял у отца Нимы десять тысяч динаров и взял у него коней и верблюдов и все прочее, что нужно для перевозки тяжестей в пути.

А потом Нима простился со своим отцом и матерью и отправился с врачом в Халеб, но не напал там на след девушки. Затем они достигли Дамаска и прожили там три дня, после чего персиянин нанял лавку и уставил в ней полки тонким фарфором и крышками и украсил полки золотом и кусками дорогих материй. Он поставил перед собою сосуды и бутылки, в которых были разные масла и всякие лекарства, и вокруг бутылок он поставил кубки из хрусталя, а перед собою он положил доску и астролябию.

И он оделся в платье врачей и лекарей и, поставив перед собою Ниму, одел его в рубаху и шелковый плащ, и обвязал ему стан шелковым полотенцем, вышитым золотом.

И потом персиянин сказал Ниме: "О Нима, ты с сегодняшнего дня мой сын; не называй же меня иначе как отцом, а я буду называть тебя только сыном", – и Нима отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И жители Дамаска стали собираться перед лавкой персиянина, глядя на красоту Нимы и на красоту лавки и тех товаров, что были в ней. И персиянин разговаривал с Нимой по-персидски, а Нима тоже разговаривал с ним на этом языке, ибо он знал его, как обычно для детей вельмож. И этот персиянин сделался известен среди жителей Дамаска, и они стали описывать ему свои недуги, а он давал им лекарства. И ему приносили банки, наполненные мочой больных, и персиянин смотрел на нее и говорил:

"Тот, кто налил мочу, которая в этой банке, болен такойто и такой-то болезнью", – а больной говорил: "Поистине, этот врач прав!" Так персиянин стал лечить людям их болезни, и жители Дамаска собирались у него, и весть о нем распространилась в городе и в домах вельмож.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вот в один из дней он сидит, и вдруг приближается к нему старуха верхом на осле, чепрак на котором был из парчи, украшенной драгоценными камнями. И старуха остановилась возле лавки персиянина и, привязав осла за уздечку, сделала персиянину знак и сказала: "Возьми меня за руку", и персиянин взял старуху за руку, и она слезла с осла и спросила: "Это ты – персидский врач, прибывший из Ирака?" – "Да", – отвечал врач. И старуха сказала: "Знай, у меня есть дочь, и она больна". И старуха вынула банку и когда персиянин взглянул на то, что было в банке, он спросил: "О госпожа, скажи, как зовут Эту девушку, чтобы я мог вычислить ее звезду и узнать, в какое время ей подойдет пить лекарство". И старуха сказала: "О брат персов, ее зовут Нум..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок вторая ночь

Когда же настала двести сорок вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин, услышав имя Нум, начал считать и писать на руках и сказал: "О госпожа, я не пропишу ей лекарства, пока не узнаю, из какой она земли, из-за различия в воздухе. Осведомь же меня, в какой земле она воспиталась и сколько прошло лет ее жизни". – "Ее жизни четырнадцать лет, а воспиталась она на земле Куфы, что в Ираке", – отвечала старуха. И персиянин спросил: "А сколько месяцев она в этих краях?" – и старуха ответила: "Она прожила в этих краях немного месяцев".

И когда Нима услышал слова старухи и узнал имя своей пленницы, его сердце затрепетало, и он потерял сознание. А персиянин сказал старухе: "Ей подойдут такие-то и такие-то лекарства, а старуха молвила: "Смешай, что хочешь, и дай мне то, что ты писал, с благословения Аллаха великого", – и бросила ему на прилавок десять динаров. И врач посмотрел на Ниму и велел ему приготовить для старухи лекарственные зелья, а старуха смотрела на него и говорила: "Защити тебя Аллах, о дитя мое, – твой вид подобен ее виду".

А потом старуха спросила персиянина: "О брат персов, это твой невольник или твой сын?" И персидский врач отвечал ей: "Это мой сын". А Нума собрал нужные зелья и положил их в коробочку и, взяв бумажку, написал на ней такое двестишестое:

"И если пожалуйет один только взгляд мне Нум,

Пусть счастья не знает Суд, не будет прекрасной Джумль [260]

Сказали: "Забудь ее и двадцать возьмешь таких",

Но нет ей подобия, ее не забуду я".

Потом он засунул бумажку в коробочку и написал на крышке коробочки куфическим почерком: [261] "Я Нима ибн ар-Раби – куфиец", и поставил коробочку перед старухой.

Та взяла ее и простилась с ними, и поехала обратно, направляясь во дворец халифа.

И когда старуха поднялась с зельями к девушке, она поставила перед ней коробочку с лекарствами и сказала:

"О госпожа, знай, что в наш город пришел врач персиянин, и я не видела никого прозорливее и осведомленнее в делах болезней, чем он. Я назвала твое имя, после того как он увидел банку, и он узнал, какая у тебя болезнь, и прописал тебе лекарство, а потом он отдал приказание своему сыну, и тот составил для тебя вот это лекарство. И в Дамаске нет никого красивее и изящнее, чем его сын, и ни у кого не найдется лавки такой, как у него".

И Нум взяла коробочку и увидела, что на ее крышке написано имя ее господина и имя его отца, и, когда она увидела это, у нее изменился цвет лица, и она про себя воскликнула: "Нет сомнения, что владелец этой лавки пришел из-за меня!" – "Опиши мне этого юношу", – сказала она старухе, и та ответила: "Его зовут Нима, и над правой бровью у него пятнышко, и одет он в роскошные одежды и обладает совершенной красотой". – "Поддай мне лекарство, с благословения Аллаха великого и с его помощью", – сказала девушка и взяла лекарство и выпила его, смеясь, и сказала старухе: "Поистине, это благословенное лекарство!"

Потом она осмотрела коробочку и, увидав бумажку, повернула ее и прочитала, а поняв ее смысл, она уверилась, что тот юноша – ее господин, и успокоилась душой и обрадовалась. И, увидав, что девушка засмеялась, старуха воскликнула: "Поистине, этот день – день благословенный!" – а Нум промолвила: "О надсмотрщица, я хочу чего-нибудь поесть и выпить". И старуха сказала невольницам: "Подайте вашей госпоже столы с роскошными кушаньями!" – и Нум подали столы, и она села есть.

Вдруг вошел к ним Абд-аль-Мелик ибн Мерван, и, увидев, что девушка сидит и ест кушанья, он обрадовался, а надсмотрщица сказала ему: "О повелитель правоверных, поздравляем тебя с выздоровлением твоей невольницы Нум. В этот город прибыл один врач (я не видела никого осведомленнее в болезнях и лекарствах), и я принесла ей от него лекарство, которое она приняла один раз, и выздоровление пришло к ней, о повелитель правоверных". – "Возьми тысячу динаров и позаботься о лекарствах, чтобы ее вылечить совсем", – сказал повелитель правоверных и вышел, радостный.

А старуха пошла в лавку персиянина и отдала ему тысячу динаров, осведомив его о том, что та девушка – невольница халифа. И она передала ему бумажку, которую написала Нум, а персиянин взял ее и передал Ниме, а тот, увидев ее, узнал почерк и упал без чувств. А придя в себя, он развернул бумажку и вдруг видит, в ней написано: "От девушки, чье счастье похищено, чей разум обманут, от расставшейся с любимым сердца". А после того: "Ваше письмо пришло ко мне, и расправилась грудь, и возрадовался разум, и было так, как сказал поэт:

Письмо прибыло! – Пусть бы пальцев я не лишилась,

То письмо писавших, – их дух оно впитало.

И как будто Мусу вернули вновь его матери

Иль плащ Юсуфа принесли назад к Якубу" [262].

И когда Нима прочитал эти стихи, его глаза наполнились слезами, и надсмотрщица спросила его: "О чем ты плачешь, о дитя мое? Да не заставит Аллах твои глаза плакать!" – "О госпожа, – сказал ей персиянин, – как моему сыну не плакать, когда эта девушка – его невольница, а он – ее господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы?

Выздоровление этой невольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и нет у нее другой болезни, кроме любви к нему..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок третья ночь

Когда же настала двести сорок третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал старухе: "Как моему сыну не плакать, когда эта девушка – его невольница, а он – ее господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы? Выздоровление этой невольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и нет у нее другой болезни, кроме любви к нему. Возьми же себе, о госпожа, эту тысячу динаров (а у меня будет для тебя еще больше) и посмотри на нас глазами милости. Мы не знаем, как исправить это дело, если не через тебя". И старуха спросила Ниму: "Ты ее господин?" И Нима ответил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Да", – и старуха сказала: "Ты говоришь правду – она непрестанно поминает тебя".

И Нима рассказал старухе о том, что с ним случилось, с начала до конца, и старуха сказала: "О юноша, ты найдешь встречу с нею только через меня", – а затем она села верхом, и в тот же час и минуту вернулась, и, войдя к девушке, посмотрела ей в лицо и засмеялась и сказала:

"О дочь моя, ты имеешь право плакать и хворать из-за разлуки с твоим господином Нимой ибн ар-Раби-куфийцем". – "Покров перед тобой поднят, и явилась тебе истина", – воскликнула Нум, а старуха сказала ей: "Успокой свою душу и расправь грудь! Клянусь Аллахом, я соединю вас, даже если из-за этого пропадет моя душа!"

И потом она вернулась к Ниме и сказала ему: "Я воротилась к твоей невольнице и встретилась с нею и нашла, что она тоскует по тебе больше, чем ты по ней, и повелитель правоверных хочет сойтись с нею, а она сопротивляется. Если у тебя тверд дух и ты силен сердцем, то я сведу вас и подвергну себя опасности и придумаю уловку и устрою хитрость, чтобы ты мог войти во дворец повелителя правоверных и встретиться с девушкой, ведь она не может выходить". – "Да воздаст тебе Аллах благом!" – воскликнул Нима.

И потом старуха простилась с ним и, придя к девушке, сказала ей: "Душа твоего господина пропала из-за любви к тебе, и он хочет с тобою встретиться и достигнуть тебя. Что ты скажешь об этом?" – "У меня тоже пропала душа, и я хочу с ним встретиться", – ответила Нум. И тогда старуха взяла узел, в котором были украшения и драгоценности и платье из женских платьев и пришла к Ниме и сказала: "Пойдем в уединенное место".

Когда Нима вошел с нею в комнату позади лавки, она расписала его и разукрасила ему кисти рук и вплела ему в волосы вышитые ленты, а потом она одела его в женскую одежду и разукрасила его самым лучшим из того, чем украшаются невольницы. И стал Нима подобен одной из райских гурий, и, когда надсмотрщица увидала его в таком обличье, она воскликнула: "Благословен Аллах, лучший из творцов! Клянусь Аллахом, ты, право, прекраснее той девушки!" Потом она сказала: "Походи, выставляя левую ногу и отставляя правую, и тряс бедрами". И Нима стал ходить перед нею, как она ему велела. И, когда старуха увидела, что он знает женскую походку, она сказала:

"Подожди, пока я приду к тебе завтра вечером, если захочет Аллах великий, и возьму тебя и приведу во дворец, и когда ты увидишь привратника и евнухов, укрепи свою решимость, опусти голову и не говори ни с кем: я переговорю с ними вместо тебя, и найду у Аллаха поддержку".

Когда наступило утро, на следующий день, надсмотрщица пришла к Ниме и, взяв его, пришла с ним во дворец, и старуха вошла впереди, а Нима сзади, следом за нею.

И привратник хотел помешать ему войти, но старуха сказала ему: "О сквернейший из рабов, это невольница Нум, любимица повелителя правоверных. Как же ты не даешь ей войти?" И она молвила: "Входи, девушка!" – и Нима вошел со старухой, и они все время шли, до тех дверей, через которые можно было попасть во двор перед дворцом.

"О Нима, – сказала тогда старуха, – укрепи свою душу и сделай сильным твое сердце. Войди во дворец, возьми налево, отсчитай пять дверей и войди в шестую – это дверь в помещение, приготовленное для тебя. Не бойся и, если кто-нибудь с тобою заговорит, не разговаривай с ним и не останавливайся". И потом старуха пошла с ним и достигла дверей, и ее встретил привратник, поставленный у этих дверей, и спросил: "Что это за девушка?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок четвертая ночь

Когда же настала двести сорок четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что привратник встретил старуху и спросил ее: "Что это за девушка?" – и старуха ответила ему: "Твоя госпожа хочет ее купить". – "Никто не войдет иначе, как с позволения повелителя правоверных, – сказал евнух. – Возвращайся с ней назад, я не дам ей войти, потому что мне так приказано". – "О великий привратник, – отвечала старуха, – вложи разум себе в голову! Нум, невольница халифа, сердце которого привязано к ней, идет к выздоровлению, и халиф не верит, что она поправилась. Она хочет купить эту невольницу, не мешай же ей войти, чтобы до Нум не дошло, что ты ей помешал: тогда она на тебя разгневается, и болезнь снова вернется к ней. А если она на тебя разгневается, то найдет причину, чтобы тебе отрубили голову". Потом она сказала: "Входи, девушка, не слушай его слов и не говори царице, что привратник не позволял тебе войти".

И Нима опустил голову и вошел во дворец. И он хотел пойти влево, но ошибся и пошел вправо и, желая отсчитать пять дверей и войти в шестую, отсчитал шесть дверей и вошел в седьмую. И, войдя в эту дверь, он увидел помещение, устланное парчой, а на стенах его были шелковые занавески, вышитые золотом, и там стояли курительницы с алоэ, амброй и благоухающим мускусом. А на возвышении Нима увидел ложе, устланное парчой, и сел на это ложе и увидел великую пышность, и не знал он, что написано для него в неведомом.

И пока он сидел и думал о своей судьбе вдруг вошла сестра повелителя правоверных, и с нею была ее невольница. И, увидав сидящего юношу, сестра халифа подумала, что это девушка и, подойдя к Ниме, спросила его: "Кто ты будешь, о девушка, в чем твое дело и кто привел тебя в это место?" – и Нима ничего не сказал и не дал ей ответа. "О девушка, – сказала тогда сестра халифа, – если ты из любимиц моего брата и он разгневался на тебя, я за тебя попрошу и постараюсь смягчить его к тебе", – во Нима не дал ей ответа. И она сказала своей невольнице: "Постой у дверей комнаты и не давай никому войти", – а потом подошла к Ниме и взглянула на него и оторопела при виде его красоты.

"О девушка, – сказала она, – дай мне узнать, кто ты и как тебя зовут и почему ты вошла сюда: я не видала тебя в нашем дворце", – но Нима ничего не ответил. И тут сестра царя рассердилась и положила руку на грудь Нимы и не нашла у него грудей. И она хотела раскрыть одежду Нимы, чтобы узнать, в чем его дело, и тогда Нима сказал ей: "О госпожа, я твой невольник! Купи же меня, я становлюсь под твою защиту: защити же меня". "С тобой не будет беды, – отвечала сестра халифа. – Кто же ты и кто привел тебя сюда, в мою комнату?" – "О царица, – отвечал Нима, – я зовусь Нимой, сыном ар-Раби из Куфы, и я подверг свою душу опасности из-за моей невольницы Нум, с которой аль-Хаджадж схитрил и взял ее и послал сюда". – "С тобой не будет беды", – сказала сестра халифа. А потом она кликнула свою невольницу и сказала: "Пойди в комнату Нум!"

Тем временем надсмотрщица пришла в комнату Нум и спросила ее: "Приходил ли к тебе твой господин?" – "Нет, клянусь Аллахом!" – отвечала Нум. И старуха надсмотрщица сказала: "Может быть, он ошибся и вошел в другую комнату и сбился с дороги к твоему помещению", – и тогда Нум воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Кончился срок для нас всех, и мы погибли!"

Они сидели, размышляя, и, пока это было так, вдруг вошла к ним невольница сестры халифа и приветствовала Нум и сказала: "Моя госпожа зовет тебя к себе в гости", – и Нум отвечала ей: "Слушаю и повинуюсь!" "Может быть, твой господин у сестры халифа и покров снят", – сказала надсмотрщица. И Нум в тот же час и минуту встала и пошла к сестре халифа, и та сказала ей: "Вот твой господин сидит у меня: он как будто ошибся помещением. Но ни для тебя, ни для него не будет страха, если захочет Аллах великий". И, когда Нум услышала эти слова от сестры царя, ее душа успокоилась, и она подошла к своему господину Ниме, а тот, увидав ее, поднялся ей навстречу, и они обнялись..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок пятая ночь

Когда же настала двести сорок пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нима, увидав невольницу Нум, поднялся ей навстречу, и они прижали друг друга к груди, а затем оба упали на землю без сознания. А когда они очнулись, сестра халифа сказала им:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Сядьте, и подумаем, как избавиться от той беды, в которую мы попали". – "О госпожа, от нас – внимание и повиновение, а от тебя – приказ", – отвечали они. И сестра халифа воскликнула: "Клянусь Аллахом, вас не постигнет от нас никакое зло!"

Затем она сказала своей невольнице: "Принеси кушанья и напитки", – и невольница принесла это. И тогда они сели и поели достаточно, чтобы насытиться, а затем сели пить. И заходили между ними чаши, и прекратились их печали, и Нима воскликнул: "О, если бы я знал, что будет потом", – а сестра халифа спросила: "О Нима, любишь ли ты Нум, свою невольницу?" – и он отвечал: "О госпожа, любовь к ней заставила меня сделать все это и подвергнуть себя опасности". А затем она спросила Нум: "О Нум, любишь ли ты своего господина Ниму?" – и Нум ответила: "О госпожа, от любви к нему растаяло мое тело и изменился мой вид". – "Клянусь Аллахом, вы любите Друг друга, и пусть не будет того, кто разлучит вас! Успокойте же ваши души и прохладите глаза!" – воскликнула сестра халифа, и они обрадовались.

И Нум потребовала лютню, и ей принесли ее, и, взяв лютню, она настроила ее и ударила по ней один раз и, затянув напев, произнесла такие стихи:

"Когда разлучить враги хотели упорно нас,

Хоть мстить ни тебе, ни мне и не за что было им,

Набегами всякими терзали они наш слух,

И мало защитников нашлось и помощников,

Со стрелами глаз твоих тогда я напал на них,

А сам захватил я меч, огонь и поток воды".

А потом Нум дала лютню своему господину Ниме и сказала ему: "Скажи нам стихотворение", – и Нима взял лютню, и настроил ее и, затянув напев, произнес такие стихи:

"Подобен бы месяц был тебе, но заходит он.

Лик солнца бы был, как ты, но только он с пятнами,

Дивлюсь я, – а сколько есть в любви всегда дивного,

Заботы не мало в ней, в ней страсть и страдание,

Дорога мне кажется столь близкой, когда иду

К любимой, но путь далек, когда я иду назад",

А когда он кончил говорить стихи, Нум наполнила кубок и подала ему, и Нима взял кубок я выпил, а затем Нум наполнила другой кубок и подала его сестре халифа" и та выпила его, и взяла лютню и, настроив ее, натянула струны и произнесла такие стихи:

"Печаль и грусть в душе моей поселились,

И внутри меня страсть великая так упорна.

Худ я телом так, что явно это стало всем.

Ведь любовью тело давно мое хворает".

И потом она наполнила кубок и подала его Ниме, а тот выпил и, взяв лютню, настроил на ней струны и произнес такие стихи:

"О тот, кому дух я дал, а он стал терзать его!

Я вырвать его хотел, – но сил не нашел в себе.

Подай же влюбленному спасенье от гибели,

Пока не настала смерть, – и вот мой последний вздох".

И они, не переставая, говорили стихи под звуки струн и проводили время в наслаждении, блаженстве, радости и веселье, и пока это было так, вдруг вошел к ним повелитель правоверных. И, увидав его, они встали и поцеловали землю меж его рук, и халиф, увидев Нум с лютней, воскликнул: "О Нум, слава Аллаху, который удалил от тебя бедствие и боль!" Потом он обернулся к Ниме, который был все в том же виде, и спросил: "Сестрица, кто эта девушка, которая рядом с Нум?" – "О повелитель правоверных, отвечала ему сестра, – у тебя есть невольница, среди твоих любимых, добрая нравом, и Нум не ест и не пьет иначе, как с нею". И она произнесла слова поэта:

"Они разные, и сошлись они по различию

Красота несходных всегда видна по несходству их".

"Клянусь Аллахом великим, – воскликнул халиф, – она так же красива, как Нум, и завтра я прикажу отвести ей комнату рядом с комнатой Нум и выдам ей ковры и циновки, и доставлю все, что ей подходит, из уважения к Нум".

И сестра халифа приказала подать кушанья и предложила их своему брату, и тот поел и сидел с ними за этим пиром и трапезой. И он наполнил кубок и сделал Нум знак, чтобы она сказала ему какие-нибудь стихи. И Нум взяла лютню, выпив сначала два кубка, и ударила по струнам, затянула напев и произнесла такие два стиха:

"Когда сотрапезник даст мне выпить и выпить вновь

Три кубка, наполненных бродящею влагой,

Я ставу влачить подол кичливо, как будто я,

Эмир правоверных всех, эмир над тобою".

И повелитель правоверных пришел в восторг и наполнил еще кубок и, подав его Нум, приказал ей спеть, и она, выпив сначала кубок, попробовала струны и произнесла такие стихи:

"Вот лучший среди людей в дни наши, и нет ему

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Подобного, чтобы мог тем делом прославиться.

Единственный в высоте, и славен престол его,

О царь и владыка наш, повсюду прославленный!

Владыка царей земных и всех без изъятия,

Обильно ты жалуешь без скуки и устал.

Господь сохрани тебя, назло и к тоске врагов,

Успех и победа пусть украсят звезду твою!"

И когда халиф услышал от Нум эти стихи, он воскликнул: "Клянусь Аллахом, хорошо! Клянусь Аллахом, прекрасно! От Аллаха твой дар, о Нум! Как красноречив твой язык и как ясна твоя речь!" И они пребывали в веселье и радости до полуночи, а затем сестра халифа сказала: "Послушай, о повелитель правоверных: я видала в какой-то книге рассказ про одного знатного вельможу". – "А что это за рассказ?" – спросил халиф.

И сестра его сказала: "Послушай, о повелитель правоверных. Был в городе Куфе юноша, по имени Нима ибн ар-Раби, и была у него невольница, и он любил ее, и она любила его (а она воспиталась с ним на одной постели).

И когда они достигли зрелости, и ими овладела любовь друг к другу, судьба поразила их своей превратностью, и время подавило их своими несчастьями, и судило оно им расстаться. И доносчики схитрили с девушкой, и она вышла из дома своего господина, и ее взяли и украли из его жилища, а потом укравший девушку продал ее одному из царей за десять тысяч динаров. А девушка так же любила своего господина, как и он любил ее, и ее господин оставил свою семью и свое богатство и дом свой, и отправился искать девушку, и нашел способ с нею встретиться и ее увидеть, и он подвергал себя опасности..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок шестая ночь

Когда же настала двести сорок шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, как сестра повелителя правоверных говорила:

"Нима пребывал в разлуке со своей семьей и родиной и нашел способ встретиться со своей невольницей, и он подвергал себя опасности и не жалел своей души, пока не сумел встретиться с невольницей, а звали ее Нум. И когда он встретился с нею, они не успели усесться, как вошел к ним царь, купивший ее у человека, который ее украл, и он был поспешен с ними и велел их убить, не оказав им справедливости и не отсрочив над ними свой суд..." Что ты скажешь, о повелитель правоверных, о столь малой справедливости этого царя?" – "Поистине, это предивная вещь, и этому царю надлежало простить их, при своей мощи! – воскликнул повелитель правоверных. – Ему следовало помнить относительно них три вещи: во-первых, они любили друг друга, во-вторых, они находились в его жилище и в его руках, и, в-третьих, царю надлежит быть медлительным, творя суд над людьми. Так как же ему не медлить в деле, которое с ним связано? Этот царь совершил дело, не похожее на дела царей". – "О брат мой, – сказала сестра халифа, – ради царя небес и земли, прикажи Нум петь и послушай то, что она сплет". – "О Нум, спой мне", – воскликнул халиф. И Нум затянула напев и произнесла такие стихи:

"Обмануло время – всегда оно обманет,

Разит сердца и рождает думы время,

Разлучит оно после жизни вместе возлюбленных,

И увидишь ты на ланитах слез потоки,

Я жила и жили; и жизнь моя светла была,

Когда судьба свела нас, и обильна.

И я буду плакать и кровь и слезы струею лить,

По тебе печалюсь и днями и ночами".

И, когда повелитель правоверных услышал эти стихи, он пришел в великий восторг, и сестра его сказала ему:

"О брат мой, кто сам присудил себя к чему-нибудь, должен придерживаться этого и поступать по своему слову.

И ты сам совершил над собою такой суд. – Потом она сказала: – О Нима, встань на ноги, и ты тоже встань, о Нум". И когда они встали, сестра халифа сказала:

"О повелитель правоверных, та, что встала, – это украденная Нум, которую похитил аль-Хадждадж ибн Юсуф ас-Сакафи и прислал тебе, и солгал он, утверждая в своем письме, что купил девушку за десять тысяч динаров. А этот, что встал, – Нима ибн ар-Раби, ее господин.

И я прошу тебя – из уважения к твоим пречистым предкам и ради Хамзы, Акиля и аль-Аббаса [263] прости их и отпусти им их преступления. Подари их друг другу, чтобы получить за них награду и воздаяние. Они находятся в твоей руке и поели твоей пищи и выпили твоего питья, и я ходатайствую за них и прошу подарить мне их кровь".

"Ты права, – воскликнул халиф, – я так решил и не буду решать и потом брать назад!" – "О Нум, – спросил он затем, – это твой господин?" – и Нум ответила: "Да, о повелитель правоверных", – и тогда халиф молвил:

"С вами не будет беды, – я подарил вас друг другу!" – "О Нима, как ты узнал о ее местопребывании и кто описал тебе это место?" – спросил халиф. И Нима сказал: "О повелитель правоверных, послушай мою повесть и прислушайся к моему рассказу, и клянусь твоими отцами и пречистыми дедами, я ничего от тебя не скрою".

И затем он рассказал халифу обо всех бывших с ним делах и о том, что сделал персидский врач и что сделала надсмотрщица, как она ввела его во дворец, а он ошибся дверями...

И халиф до крайности удивился этому. "Ко мне персиянина!" – сказал он потом, и персиянина привели к халифу, и тот назначил его в число своих приближенных и наградил его одеждами и приказал выдать ему прекрасную награду и молвил: "Тому, кто это придумал, надлежит быть в числе наших приближенных".

А после этого халиф благодетельствовал Ниму и Нум и оказал им милость и благодетельствовал надсмотрщицу, и они прожили у него семь дней в радости, удовольствиях и приятнейшей жизни, и затем Нима попросил у халифа разрешения уехать, вместе со своей невольницей, и халиф разрешил им уехать в Куфу.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И они уехали, и Нима повидался со своим отцом и своей матерью, и жили они наилучшей я приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний".